

Однако для него самого подобная позиция неприемлема:

А не писать мне нельзя: не могу стерпеть,
 Когда вижу, что мельник, с волосов недавно
 Стресший муку, нажив уж имя в людях славно,
 Спесивится и, гневом полн, жмурит глазами,
 Что в палате делают мухи пыль крылами.
 Коль глупец, что губы чуть помазал в латину,
 Хвастает наукою и ищет причину
 Безвременно всем скучать долгими речами,
 Ест и пьет аргументом, говорит стихами;
 Коли напудрен гребец и в парче сын дьячий,
 Мудрец спит на войлоке, на пуху — подъячий,
 И чтят того, кто может денег больше дать, —
 Трудно уж воистину сатир не писати.

(ст. 140—152).

Кантемир провозглашает свою верность сатире как единственной форме, способной выразить его воззрения на современную действительность и наиболее соответствующей природным свойствам его поэтического дарования. Заклучая сатиру, Кантемир заявляет:

И понеже ни хвалить, ни молчать не знаю,
 Одно благонравие веаде почитаю, —
 Проче в сатиру писать в веки не престану.

(ст. 159—161).

Таков программный вывод Кантемира, провозглашенный им в IV сатире. При сопоставлении ее с «Речью к императрице Анне Иоанновне» легко убедиться, что последняя не только имеет сходную проблематику, но по существу повторяет самую схему авторских рассуждений, содержащихся в сатире. Следовательно, создавая «Речь», Кантемир соотносил замысел этого произведения с IV сатирой.

Основной проблемой, занимающей автора в обоих произведениях, является проблема творческого самоопределения. Она поставлена и тут и там в форме альтернативного выбора между сатирическим и панегирическим жанрами. И хотя в каждом из названных произведений она соответственно варьируется, но решается по существу одинаково.

Таким образом, «Речь», вопреки традиционному мнению, служит подтверждением верности сатирика своей благородной программе, декларированной в IV сатире. Социально-исторические условия и конкретные обстоятельства литературной деятельности Кантемира несомненно вызвали неизбежные тактические уступки, отмеченные выше. Но это вопрос формы, а не существа.

Вся последующая поэтическая практика Кантемира убеждает в том, что творческая программа, намеченная поэтом в IV сатире, действительно осуществлялась им. И после создания «Речи» он не склонил свою «лиру» на похвальный лад.